

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРО РАН

ШЕСТЫЕ БЕРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ЕКАТЕРИНБУРГ
2011

ББК 20.1
УДК 504:574

Печатается по решению ученого совета Свердловского областного краеведческого музея.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

к.и.н. Викторова В.Д. (ИИиА УрО РАН) — отв. редактор;
Бузунова С.Г. (СОКМ);
Панина С.Н. (СОКМ) — отв. за выпуск;
Федорова Т.А. (СОКМ).

ISBN 978-5-91357-023-9

Шестые Берсовские чтения: Сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции / Министерство культуры и туризма Свердловской области, Свердловский областной краеведческий музей, Институт истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2011. — 264 с.

В сборнике, посвященном памяти Е.М. и А.А. Берс, представлены статьи ученых из Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Ижевска, Казани, Воткинска, Челябинска, Миасса, Орска, Кургана, Алма-Аты, Павлодара, Караганды, Омска, Новосибирска, Тюмени, Сургута, Нижнего Тагила, Екатеринбурга, Халла (Великобритания), Парижа (Франция), посвященные истории археологии, новым исследованиям и открытиям на Урале, проблемам реконструкций и использования естественнонаучных методов в археологических исследованиях, опыту создания археологических каталогов.

Сборник рассчитан на широкий круг специалистов в области археологии, культурологии, истории, музееведения.

ББК 20.1
УДК 504:574

ISBN 978-5-91357-023-9

© Свердловский областной краеведческий музей, 2011
© ООО «Издательство КВАДРАТ», оригинал-макет, 2011

«ВЕРХОМ НА МЕДВЕДЕ?»: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО ИЗ ПРИКАМСКИХ СЮЖЕТОВ С ОБРАЗОМ МЕДВЕДЯ

Поклонение медведю фиксируется у всех народов лесной полосы. Оно уходит своими корнями в палеолит и проявляется в разных вариантах до этнографической современности. Длительность бытования и разнообразие ритуалов, в которых фигурировал образ медведя, создали противоречивую картину его почитания.

В древнем искусстве Северной Евразии изображения медведя широко распространены. В данной публикации мы не ставили перед собой задачу их всестороннего анализа. Напротив, хотелось бы привлечь внимание лишь к одному сюжету, до сих пор, как это ни странно, оставшемуся вне поля зрения специалистов. Среди разнообразных воплощений образа медведя в традиционном искусстве Прикамья есть одно необычное, где к изображению зверя добавлены элементы упряжи, вроде бы не вяжущиеся с почтительным отношением к одному из главных персонажей мифологического пантеона местного населения.

Указанный сюжет известен на костяных изделиях, выполненных в ананьинской изобразительной традиции (Рис. 1). Это рукояти ножей и шильев. Две рукояти происходят с Вятки. На них отчетливо видны рельефные линии, схематично показывающие намордник или упряжку. Изображение на первой рукояти стилизовано, уверенная манера исполнения сближает ее с художественными произведениями южных кочевых соседей ананьинцев. Энергичным спиралевидным декором показаны ноздри и круглые уши яростно оскаленного хищника. Соединяющая их выпуклая полоса очерчивает края пасти и плавно переходит в ремешок упряжи на переносице. Четко обозначен каплевидный глаз. Изделие очень цельное, оно демонстрирует высокое мастерство резчика (Рис. 1, -1). Изображение на второй рукояти не обладает такими характеристиками – в нем нет экспрессии. Здесь представлен либо спящий, либо мертвый зверь. Медвежья голова украшена точечным узором. Пасть закрыта, глаза почти не намечены. Отчетливо выступающими деталями являются округлые, торчащие вверх уши и намордник, обхватывающий верхнюю челюсть (Рис. 1, -2). Третье изделие найдено на Каме (Зуевключевское I городище). Оно также представляет собой рукоять, овальную в разрезе, тыльная сторона которой завершается скульптурным изображением головы медведя. Манера исполнения изображения реалистическая, зверь легко узнаваем — покатый лоб, вытянутая морда, круглые уши, маленькие глаза. Необычной деталью являются выгравированные линии, напоминающие узду, идущие от края пасти вверх, к ушам (Рис. 1, -3).

Обе вятские рукояти найдены в ходе раскопок Буйского городища (Ашихмина, Черных, Шаталов. 2006. Рис. 68, -6; 69, -1). Этот памятник имеет довольно сложную стратиграфию, культурный слой на нем накапливался на протяжении весьма длительного времени — от неолита до II тыс. н.э. Изделия из кости и рога в основном связаны с зольно-пепельными слоями ананьинского времени. Одна из рукоятей утеряна (Рис.1, -1), контекст второй определяется достаточно надежно: она найдена в кв. 3/2 на гл. 30–40 см от поверхности. Никаких объектов ананьинского периода здесь не выявлено, но зато ананьинский слой сохранился в непереотложенном виде, как это отмечается для значительной части мысовой площадки (Ашихмина. 1979. С. 9).

Зуевская рукоять найдена в северной части площадки городища, в раскопе 1971 г. Находка также связана с ананьинским слоем рыхлой темно-серой зольно-пепельной супеси. Контекст находки точно не указан, но, судя по планам, приведенным в отчете, в этой части раскопа был изучен ряд очагов и ям позднеананьинского времени (Генинг. 1971. Рис. 8). Их особенности и сам характер находок позволяют рассматривать данные объекты в связи с ритуальной сферой обитателей городища.

Подобные изделия не были редкостью на костеносных городищах Прикамья в раннем железном веке. К этому же временному отрезку относятся миниатюрные псалии из медвежьих фаланг, украшенные резными изображениями медведей или чаще их голов¹, что также свидетельствует о связи образа медведя с упряжью (Рис. 1, -4,5). Размер псалиев наводит на мысль об использовании их в качестве креплений некоего устройства типа намордника, ошейника или шлейки для небольшого зверя, возможно, выращиваемого в неволе медвежонка. В сибирских этнографических материалах встречаются сведения о содержании медведей в селениях.

1 Изображения медвежьих голов на псалиях в ананьинской культуре могло быть «переосмыслением» образа пантеры в художественной традиции времен скифской архаики. Так, анализ распространения изображений зооморфных существ на различных категориях вещей в скифских памятниках VII – I пол. VI в. до н.э. Восточной Европы и Передней Азии выявил, что голова «кошачьего» хищника использовалась только на костяных псалиях (Рябкова. 2005. С. 48).

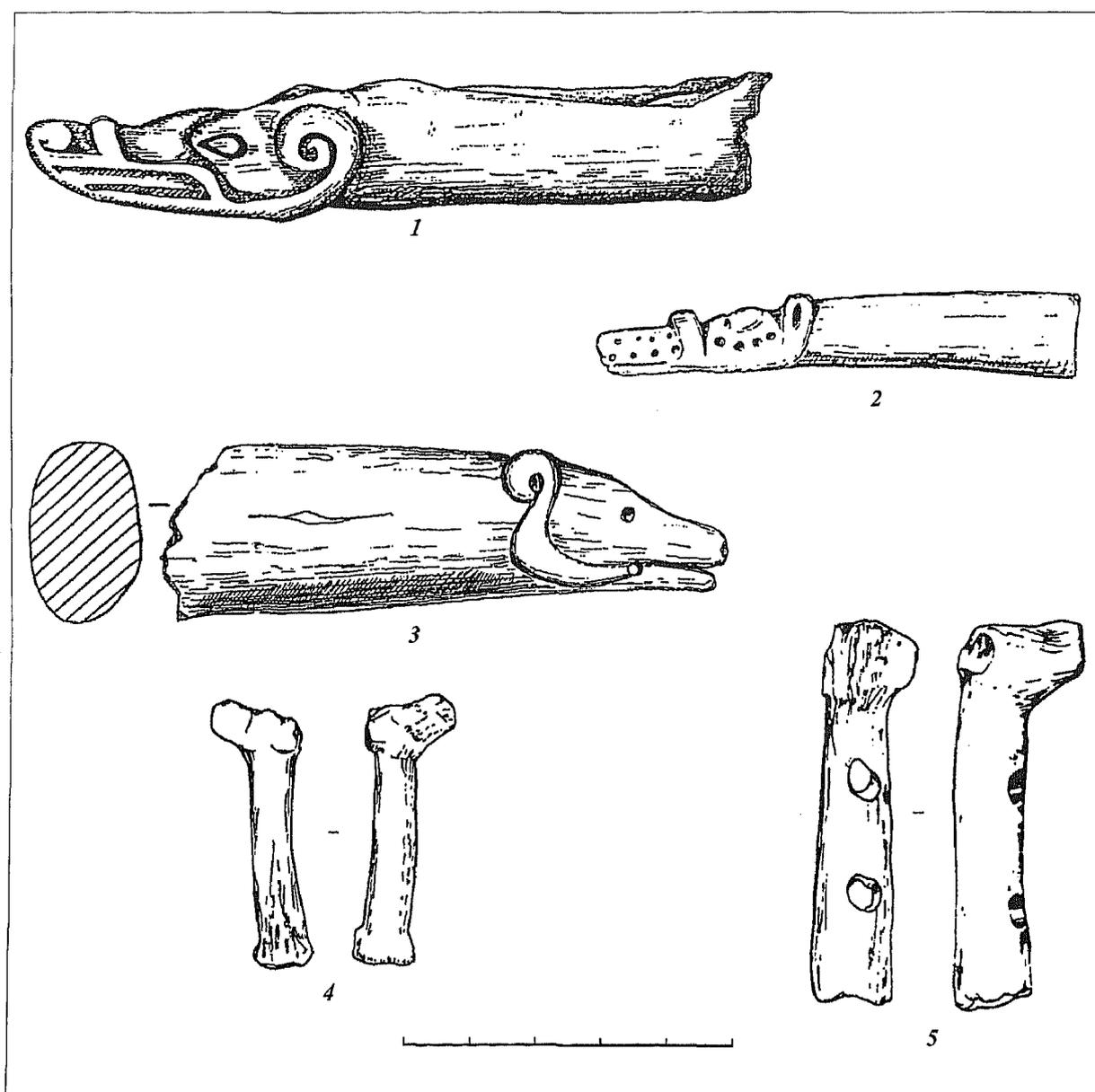

Рисунок 1. Ананьинские рукояти и псалии из кости: 1, 2 – Буйское городище; 3 – Зуево-Ключевское I городище (по Ашихминой Л.И., Черных Е.М., Шаталову В.А. 2006); 4, 5 – городище Ермаши (по Мокрушину В.П. 2008)

М.М. Хасанова отмечает, что кроме древнего евразийско-американского ритуала охоты и совместного поедания медвежьего мяса существовала «айнская» церемония жертвоприношения медведя, вскормленного в неволе. Такой тип «медвежьего праздника» бытовал у народов Амура (Хасанова. 2000. С. 203–210). Логично предположить, что для содержания медвежонка использовалась какая-то ременная конструкция.

Длительность пребывания медведя в плену зависела от возраста пойманного зверя. Матерых медведей держали нескольких месяцев, как правило до января, обычного времени проведения медвежьего праздника, а медвежат до тех пор, пока они не превратятся в сильную трехлетнюю особь и не обростут толстым слоем жира (Островский. 1997. С. 32; Вехов. 2010. С. 45). В некоторых ритуалах, связанных с почитанием медведя, фиксируются элементы обвязывания медвежьей головы или привязывания ее к столбу. Так, у негидальцев существовал обряд соналла — перевязывания медвежьей морды особым образом: «В пасть зверя вкладывали палочку в малую четверть длиной, на обоих концах которой было вырезано изображение головы медведя, к одному из концов этой палочки привязывали ремешок или кусок тальникового лыка, который затем протягивали под нижней челюстью, заматывали на другом конце, перекидывали через нос, снова заматывали за первый конец и пропускали между клыками» (Цинциус. 1971. С.194). То есть, по сути, надевали «намордник». Яркой иллюстрацией этого сюжета являются декоративные ручки в виде медвежьих голов на чаше из Верх-Саинского могильника, где хорошо видна конструкция и декоративные детали крепления ремешков на голове зверя (Рис. 2, -6–8).

Перевязывание головы, морды или шеи зверя применялось у народов Нижнего Амура и Сахалина (нивхи, айны, нанайцы, ульчи, орочи, негидальцы, ороки) на разных этапах ритуала жертвоприношения медведя, выращенного в неволе. Сначала на медведя надевали пояс и ошейник с цепью для того, чтобы обвести его несколько раз по селению. Затем зверя приводили на специальную площадку и привязывали к столбам. После чего, накормив ритуальной пищей, убивали. Тушу протаскивали вокруг одного из столбов и укладывали таким образом, чтобы напоминала отдыхающего зверя. На шею медведю надевали ремень и привязывали к молодой елочке. Такая же привязь использовалась и в ритуале по случаю убийства медведя на охоте. Это означало, что «медведь уже пришел к нивхам... и душа его будет присутствовать среди них, чтобы видеть, какие почести ему воздаются» (Островский. 1997. С. 57–58). То есть происходило «привязывание души» убитого медведя.

Исследователями не раз отмечались факты присутствия в археозоологических коллекциях ананьинских городищ значительной доли костей медведя (Богаткина. 2001. С. 18–21). Так, по заключению П.А. Косинцева, все орудия типа «мотыг» с Буйского и Аргыжского городищ изготовлены из берцовых и бедренных костей молодых медведей (Ашихмина, Черных, Шталов. 2006. С. 47). Такая избирательность вряд ли случайна. Из этнографии хорошо известна важная роль, отводившаяся в символике медвежьих праздников копьям, пикам, ножам, посохам. Кости, принадлежащие молодым медведям одного возраста, также были выявлены в материалах Зуевключевского I городища, что косвенным образом может служить подтверждением существования обрядов жертвоприношения выращенных в неволе медвежат. находка на этом же памятнике, на территории позднеананьинского святилища черепа очень старого (около 30 лет), больного и увечного медведя, неспособного дожить в естественных условиях до такого возраста, является свидетельством общности практики содержания в неволе прирученного зверя, даже если он не был предназначен для ритуального убийства (исследование черепа медведя было выполнено канд. биол. наук Э.В. Алексеевой, которой мы выражаем искреннюю признательность). Исследовательница, кроме того, отметила на сохранившемся левом верхнем клыке хищника следы искусственных спилов.

Однако сюжет медведя в «уздечке» в ананьинском искусстве не исчерпывается натурным изображением зверя в наморднике, и его трактовка вряд ли ограничивается значением «привязывания души» на медвежьем празднике. На наш взгляд, этот сюжет будет более понятен, если обратиться к ритуалам шаманских практик. В шаманской культуре широко использовались миниатюрные фигурки медведей, изображавшие различных шаманских духов, как полезных, так и вредных, судя по обстоятельствам. В эвенкийских мифах медведь представлен покрови-

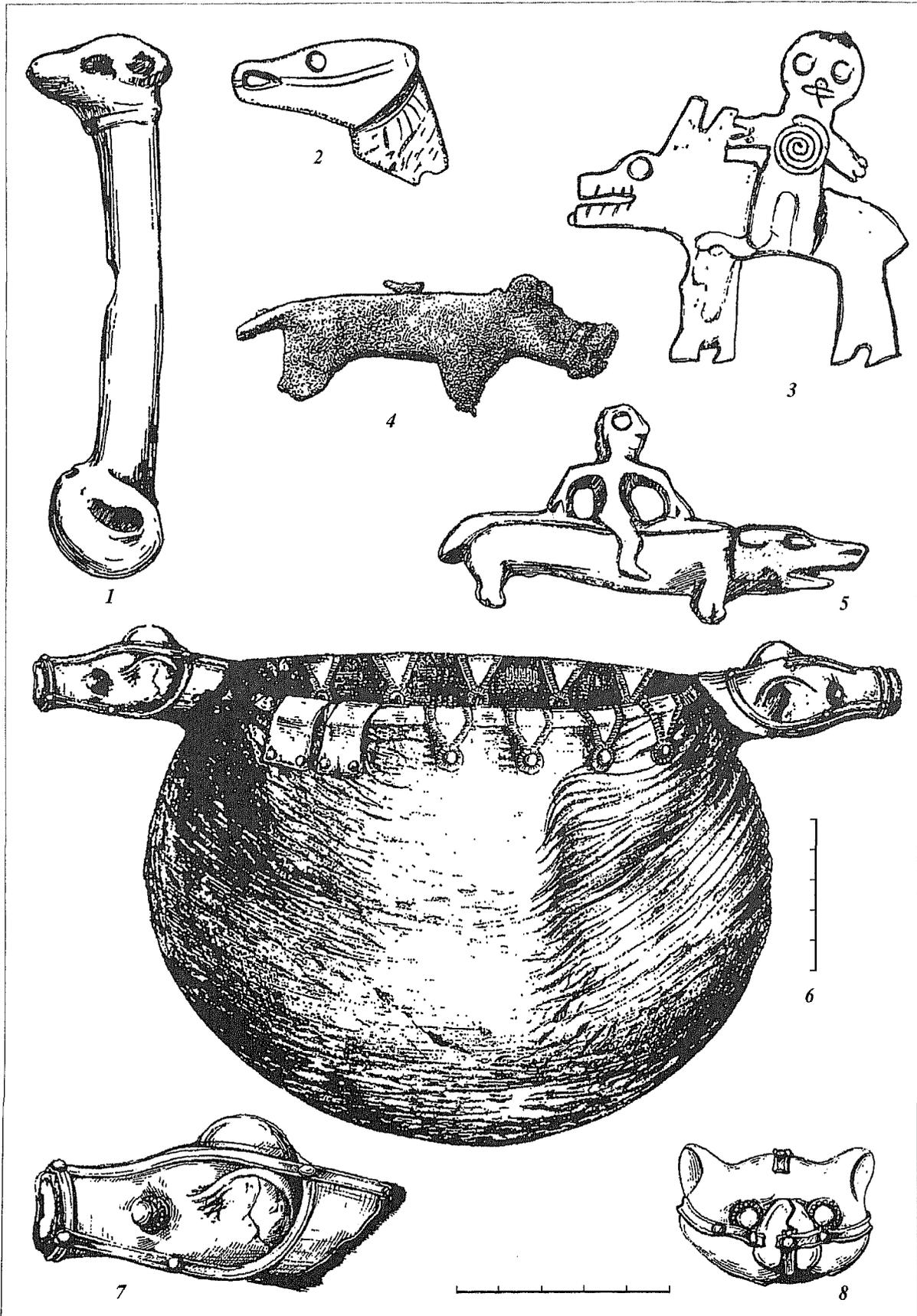

Рисунок 2. Изделия с изображением «взнузданного» медведя: 1 – поселение Черная Гора; 2 – могильник Усть-Куренга; 3, 4 – Гляденовское костяжище; 5 – Вятское городище, г. Чердынь; 6–8 – Верх-Саинский могильник
(1 – кость; 2 – сланец; 3–5 – бронза; 6–8 – кап, серебро, золото, янтарь, бронза)

телем шамана и шаманства. Медведь помогал шаману в поисках духов колотушки – одного из основных средств шамана (Окладников. 1950. С. 10).

М.Ф. Косарев заметил, что, несмотря на свое небесное происхождение, медведь по своим признакам больше похож на хтоническое существо, и, вероятно, поэтому у кетов имелась категория «медвежьих» шаманов, которые камлали на Нижний мир. По селькупским представлениям, медведь охраняет вход в эту часть мироздания и является проводником шамана по «нижним дорогам». На селькупских культовых рисунках шаман, спускающийся в Нижний мир, изображался сидящим на медведе (Косарев. 2003. С. 51–52).

По материалам Г.Н. Грачевой, «...во время камлания шаман, погоняя *ездовых медведей* (выделено нами — Л.Л., Е.Ч.), представленный шкурами медведицы и ее сына и называемых им «моими собаками», надевал перчатки, передавая на это время бубен одному из своих помощников» (центральным объектом почитания этого комплекса был большой железный диск-зеркало, являющийся посредником между видимым человеческим миром и невидимым миром многочисленных нго; ипостась солнца, он связывался с благополучием семейного очага и являлся могущественным заступником) (Грачева. 1981. С. 163). Смутные упоминания о езде на медведе отмечаются у шаманов аганских ханты (Арефьев, Карачаров. 2003. С. 34).

М.Ф. Косарев, обобщив сведения о роли медведя в ритуальной жизни сибирских народов, пришел к выводу о его посланнической миссии. Способность медведя путешествовать по разным мирам Вселенной, по существу, является шаманской функцией. Даже ритуальное поедание медвежьей головы (церемония «сэвэн») являлось вхождением в состояние «сэвэн», производное от него «сэвэнчэ» переводится как «шаманить» (Косарев. 2003. С. 55).

Сведения о посреднической роли медведя, его передвижении между мирами и помощи шаману встречаем у разных авторов (Островский. 1997. С. 43; Пелих. 1995. С. 155; Сем. 2003. С. 181; Туров. 2000. С. 53).

К сожалению, мифологический материал на эту тему крайне лаконичен. В аналитическом каталоге, созданном Ю.Е. Березкиным, сюжет использования медведя в качестве ездового или тяглого животного встречается только в Балтоскандии. У саамов: Солнце поручает своему зятю объехать мир, и часть пути — утром — надо ехать на медведе. У вепсов: герой привозит из лесу бревно на медведе, иногда медведь приравнивается к лошади или собаке, как к нечистым, созданным дьяволом животным. Больше сохранившихся мифов о таком использовании медведя нет. Очевидно, данная ситуация может быть объяснена чрезвычайной архаичностью и древностью традиции, сохранившейся до наших дней в небольших фрагментах.

Вместе с тем в мифологическом восприятии мира древних народов Евразии сюжет подчинения медведя, использования его как ездового животного существовал длительное время. Одной из самых ранних археологических находок, подтверждающих бытование образа «медведя в упряжи», можно назвать сланцевую пластину из могильника Усть-Керенга (низовья Оби), датированного В.Н. Чернецовым неолитом (Рис. 2, -2). Она представляет собой изображение головы хищного животного, на которой линейной резьбой показан ошейник и намечена «какая-то упряжь» (Чернецов и др. 1953. С. 34). По всей видимости, к этому же времени относится находка костяного псалия с медвежьей головой на поселении Черная гора в Рязанской области (экспозиция ГИМ, зал 3, витрина 8), полностью идентичного известным в ананьинском материале. В изобразительном искусстве Прикамья ананьинского времени этот сюжет существовал в виде изображения головы медведя в упряжке на костяных рукоятках ножей и шильев. Семантически в эту же линию укладываются миниатюрные псалии (Рис. 1, -4,5), но эта категория изделий требует отдельного рассмотрения. Позднее — всадник/всадница на медведе/волке/ящере фигурировал в медно-бронзовой пластике Гляденовского костыща (Рис. 2, -3). Образ хищного животного с сидящей на нем верхом антропоморфной фигурой широко известен на средневековых культовых изделиях Приуралья и Западной Сибири (Рис. 2, -5; Арефьев, Карачаров. 2003. Рис. 1).

Подводя итог столь краткому исследованию, добавим, что наши наблюдения носят предварительный характер, отнюдь не претендуют на завершенность, а лишь на заинтересованность со стороны специалистов, от которых хотелось бы услышать конструктивные замечания и продолжения диалога.

Литература:

- Арефьев В.А., Карачаров К.Г.* 2003. Всадник на медведе // *Образы и сакральное пространство древних эпох.* — Екатеринбург, 2003.
- Ашихмина Л.И.* 1979. Отчет о работах Вычегодско-Вятского отряда в Уржумском районе Кировской области и Вуктыльском районе Коми АССР в 1979 г. // *Архив ИА РАН.* — Р-1. №.7953, 7953а.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). — Ижевск, 2006.
- Березкин Ю.Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [URL]: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/111_39.htm (дата обращения: 29.03.2011).
- Богаткина О.Г.* 2001. Роль охоты на медведей в истории народов Волго-Уральского региона (по остеологическим материалам городища Аргыж) // *Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона.* — Уфа, 2001.
- Вехов Н.* 2010. Медвежий праздник у сахалинских народов // *Охота и охотничье хозяйство.* — 2010. — Вып. № 10.
- Генинг В.Ф.* 1972. Отчет об исследованиях Зуевключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 г. — Свердловск // *Архив ИА РАН.* — Р-1. № 4545.
- Грачева Г.Н.* 1981. Культовый комплекс нганасан // *Сб. МАЭ.* — Т. XXXVII.
- Косарев М.Ф.* 2003. Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. — М., 2003.
- Мокрушин В.П.* 2008. Городище Ермаши // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции.* — Пермь, 2008.
- Окладников А.П.* 1950. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири // *СА.* — М., Л., 1950. — Т. XIV.
- Островский А.Б.* 1997. Мифология и верования нивхов. — СПб, 1997.
- Пелих Г.И.* 1995. К вопросу о нганасанском культе медведицы нгарка // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». — Барнаул, 1995.
- Рябкова Т.В.* 2005. Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // *АСГЭ.* — СПб, 2005. — Вып. № 37.
- Сем Т.Ю. 2003. Шаманизм в обрядах нанайцев / *Духовная культура // История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки.* — СПб, 2003.
- Туров М.Г.* 2000. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков // *Медведь в древних и современных культурах Сибири.* — Новосибирск, 2000.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А.* 1953. Древняя история Нижнего Приобья // *МИА СССР.* — М., 1953. — Вып. № 35.
- Цинциус В.И.* 1971. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // *Сб. МАЭ.* — Л., 1971. — Вып. XXVII.
- Хасанова М.М.* 2000. О культе медведя у негидальцев // *Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы Четвертых Сибирских чтений 12–14 октября 1998 г.* — СПб, 2000.